славной традиции. Учитель умер в 82 года от дизентерии, значит, от того, что обосрался, при этом не оставив после себя ни одной написанной книжки. Неправда ли, хорошая эпитафия?

— Насколько я знаю, вы считаете всех людей одинаковыми?

— Да. В каком-то смысле никто не отличен, особенно это чувствуешь, когда умираешь. Первая же истина, которая открывается в момент смерти, это то, что нет различия между мной и тобой. Все мы оказываемся одним и тем же. Раз так, то любая форма расизма, анти чего угодно — потешна, просто потешна.

— Вы всегда были таким философом или это пришло с возрастом?

— Да всегда, сколько себя помню.

— Разве совместима деятельность на ТВ и философия?

— Я отношусь к своей деятельности на телевидении как к мессианству. Мне кажется, что я делаю неоценимое дело для парня из провинции, который находится в таком же положении, в каком я находился 30 лет назад. Все, что тогда было, — это московское телевидение. Первая программа, вторая. Жизнь в Житомире сонлива, как сурок, поэтому единственное, что можно там делать, — это сидеть по вечерам и смотреть телевизор.

— Одно сплошное телевидение...

— Да, любопытно, что и Майк Науменко (еще один мой учитель) каждый день с утра до ночи сидел и смотрел телевизор. Абсолютно все, от корки до корки. В Ленинграде жизнь была одинакова во всех проявлениях, как и в любой коммунистической провинции. Так вот, Майк делал то же, что и я: улавливал маячки света среди общей серости. Ведь свет это протоплазма, способная делиться, развиваться, умножаться. Без дотаций. Поэтому я надеюсь, что все мои выверты, вкус парадоксов, который я демонстрирую кому-то, показывает — что есть еще здесь, в России, а не в Калифорнии, — островки свободомыслия.

— Как насчет ваших телевизионных проектов, в частности, идеи переноса "Антропологии" на НТВ?

— Мы с Леней Парфеновым обсуждали такую возможность. Но, увы, никто не собирается платить за увеличение вещания в сторону ночи, поскольку это экономически неоправданно и нецелесообразно. Видимо, "Антропология" — это слишком скромная цель для того, чтобы ради нее покупать эфирное время.

— Но Сергей Лисовский, поддерживавший передачу на Телеэкспо, поверил в эту цель...

— Лисовский — да. Но, к сожалению, таких людей, как он, — немного.

Пока все, что осталось от "Антропологии", это сайт в Интернете, правда, еще не оформленный. Я хочу, чтобы в него вошло все то, что не попало в программу, ибо самое интересное случается как раз за секунду до работы камеры и через секунду после того, как она перестает работать.

— Что с остальными телевизионными проектами?

— Сейчас я активно работаю в качестве креативного продюсера над становлением совершенно нового телеканала, который полностью будет посвящен криминалу. Триллерные новости, ток-шоу, программы-расследования, детективы. Главное — это как подать тему.

— И как же?

— Мы должны рассказывать о преступлениях как о примере концентрации человеческих эмоций — только тогда это будет интересно зрителю.

— Когда начнется вещание нового телеканала?

— Первого марта. Это официальная дата. Если только у нас не возникнут экономические проблемы...

— Вы бросаете НТВ?

— Нет-нет. На НТВ я работаю ведущим и, надеюсь, буду работать дальше. Что же касается криминального канала, то там я выступаю только в качестве режиссера, и меня никто никогда не увидит в кадре.

— Вас никогда не смущало, что вам всегда приходится работать на разные аудитории?

— Никаким образом телевизионная аудитория не раскладывается ни на одну из составляющих. И вот почему. Если передача называется "Для вас, животноводы", по моему убеждению, ее менее всего посмотрят животноводы. А вот фильм "Бриллиантовая рука" посмотрят абсолютно все. И пенсионеры, и пионеры, и животноводы.

Телевидение должно быть романтичным, и я не раз в ус усмехался, когда мне предлагали самые плохие эфирные тайм-слоты. А мне безразлично, какой тайм-слот взять: утро так утро, день так день. Плохого эфирного времени нет. Есть плохие эфирщики. Вот у меня — самый гробовой тайм-слот — 12 дня, но я делаю 4—5 процентов зрителей в это время. Это те же самые проценты, какими оценивается популярность программы в пятницу вечером на первом канале. Это очень, очень неплохо... И эти мои размышления неожиданно подтвердились. На "Кинотавре" один из кинематографистов сказал: "Вот ты Дибров — телевизионный рассол. Мистер Бодун. Люди просыпаются после вчерашнего, включают телевизор — а тут ты! Вместо рассола огуречного. Взбадриваешь, и мы бежим дальше". Ведь богема, которая засиживается допоздна, встает тоже не рано.

— Вам никогда не хотелось отойти от богемной жизни и подзаработать денег?

— Нет. Мне нельзя. Ворам и художникам нельзя заниматься бизнесом. Обретая имущество, ты отдаешь заложников судьбе. А дух должен быть свободен, чтобы быстро реагировать на задачи, изменяющиеся обстоятельства. Не следует думать о деньгах человеку, который способен творить. Деньги сами придут.

— Но все же давайте вернемся к материи. У вас же был проект, связанный с производством джинсов?

— Да. Мы с Алешкой Грековым придумали линию джинсов Grekoff "Антропология", но опять все уткнулось в деньги — ведь мы художники. А где их взять? Разве что найти еврея, который поставит все это на конвейер... Поэтому если кому-нибудь нужно вложить деньги, пусть придет к нам с Алешкой и наладит производство. А за художественную своевременность этого одежного проекта мы отвечаем. Это же ноу-хау.

— На них посмотреть-то можно?

— Да на мне же. То, что я ношу, это Леша мне сделал. Ну не сейчас... Это Dolce &Gabbana. Но вообще моя любимая одежда — это то, что мы с Лешкой разработали. Мы долго искали эту линию, много материала перепортили. Но сделали как хотели.

— Говорят, вы еще очень здорово играете на гитаре?

— В свое время я учился в музыкальной школе по классу фортепиано, а гитару мне преподал частный учитель. Я думаю, что нет такого человека, который бы хоть раз в жизни не мечтал стать рок-музыкантом. Для нашего поколения гитара это больше, чем музыкальный инструмент. Это символ. Возможно, ваши читатели слушали премьеру моих музыкальных поделок на одной из радиостанций. Там я и играл, и пел. Сейчас я открыл для себя царство современной компьютерной музыки и, сидя дома за компьютером, накладываю гитару поверх музыки. Музыка должна звучать в душе, и тогда то, что звучит у тебя в мозгу, будут слышать другие.

Все никак не могу приступить к литературе, времени нет. Сам процесс чтения уступает в нашем досуге место видаку. Видимо, кино — это некоторая форма существования литературы XXI века.

— Но вы сейчас все же взялись за написание книги?

— Я действительно пишу книгу. Она будет называться "Раб лампы". Это пособие о том, как сделать настоящее, хорошее ток-шоу. Я не рассчитываю на широкую публику, книга адресована коллегам и студентам научных вузов, которые бы хотели связать свою жизнь с телевидением. Самоучитель базируется только на моем личном опыте, поэтому это не художественная, а скорее автобиографическая книга. Ведь всем только кажется, что это простая работа: зашел в кадр, поболтал час и ушел домой. Я докажу, что это не так. ■

«Главное - это найти еврея, который поставит все на конвейер!»